

Александрова В. С Чеховым по старой Москве // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1949. 20 ноября. № 13722. С. 8.

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО

С Чеховым по старой Москве

Книга А. Дермана "Москва в жизни и творчестве А. П. Чехова" (Изд. "Московский Рабочий", 1948 г.) не отличается ни блеском, ни самостоятельностью. Но читатель, у которого нет времени самому поработать над мемуарной литературой, посвященной Чехову, прочтет ее с интересом и с пользой для себя.

Жизнь и творчество молодого Чехова сравнительно мало знакомо. Из воспоминаний Михаила Павловича, младшего брата писателя, известно, что родители будущего писателя с младшими детьми в 1876 году переехали в Москву, где в то время уже жили оба старших сына — Александр и Николай, а Антон Чехов, вплоть до окончания гимназии, оставался в Таганроге. На Рождество 1876 года А. П. впервые приехал в Москву повидаться с семьей, но окончательно переселился в Москву лишь в августе 1879 г., поступив на медицинский факультет Московского университета.

Любопытна разница первых московских впечатлений у обоих братьев. После Таганрога — молодого города с прямыми улицами — Москва с ее "отвратительными мостовыми", обшарпанными постройками и "нелепыми улицами разочаровала Михаила. И в первое время он часто бегал, несмотря на дальность расстояния, на Курский вокзал встречать поезд с юга и "разговаривал с прибывшими из Таганрога вагонами и посылал с ними поклоны родному городу". А на Антона Чехова Москва сразу же произвела "ошеломляющее впечатление", и, вернувшись после каникул в Таганрог, он писал двоюродному брату в Москву: "если только кончу гимназию, то прилечу в Москву на крыльях, она мне очень понравилась".

Дерман верно улавливает истинную причину этой разницы в оценке. Михаил приехал в Москву мальчиком-подростком, первые три года жизни в Москве были самыми трудными для всей семьи и таганрогская жизнь в сравнении с московской нищетой казалась раем. А Антон Чехов приехал в Москву в расцвете юношеских сил, ощущая в себе того молодого человека, который, "проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человечья" и что все самое тяжелое и унизительное, что было в прошлом, осталось позади — в Таганроге. И Москва стала воплощением мечты о новой осмысленной, преобразенной жизни, к которой он стремился и которая увековечена в восклицании "Трех сестер" — "В Москву! В Москву!".

К моменту переезда Чехова в Москву, семья его сняла подвальное помещение на Грачевке (или просторечий — Драчевке). Позднее она была переименована в Трубную площадь. Площадь эта запечатлена в рассказе "В Москве на Трубной площади". Сюжета в нем в сущности нет, но на протяжении нескольких страничек живет, поет, щебечет уголок города, без которого невозможно представить себе старую Москву. По воскресеньям "на Трубе" шел торг. Вдоль площади вытаскивались возы, но на них были не сено, не капуста, а птицы — щеглы, чижи, красавки, черны и серые дрозды, синицы. Все это пернатое многообразие, попрыгивая "в самодельных" бедных клетках, с завистью поглядывало на свободных воробьев и щебетало на все лады. Вокруг возов копошились, "как раки в решете" сотни тулупов, бекеш, меховых картузов, цилиндров. Тут же во множестве толпились гимназисты и вообще вся мальчишеская нация. Все это топилося, осматривало птиц, приценивалось, философствовало. "Почем жаворонок? — Продавец и сам не знает, какая цена его жаворонку. Он чешет затылок и спрашивает сколько Бог на душу положит —

или рубль или три копейки, смотря по покупателю". Покупатели на Трубе — народ особый: в сущности все они знатоки и любители. Среди них есть совсем бедные люди, пожилые чиновники в полинялых шинелях, есть и ученые люди, вроде завсегдатаев Трубе, похожего на подъячего старого времени, учителя по профессии, которого здесь все знают, встречают с поклонами и величают "Ваше местожительство". "Под Сухаревой он роется в книгах, а на Трубе — ищет хороших голубей". "Этот небольшой кусочек Москвы, где животных любят так нежно и где их так мучают", живет своей маленькой жизнью, непонятной для деловых и сегомольных людей, которые проходят мимо нее по бульвару".

Та же Грачевка фигурирует в рассказе "Припадок". Еще сегодня нельзя без легкого волнения читать в нем описание первого московского снега: "Вечер, из переулка на Тверском бульваре вышло трое студентов, идут они к Грачевке; только что выпал первый снег и все в природе находилось под властью этого молодого снега. В воздухе пахло снегом, под ногами мягко хрустел снег, земля, крыши, деревья, скамьи на бульварах — все было мягко, бело, молодо, и от этого дома выглядели иначе, чем вчера, фонари горели ярче, воздух был прозрачнее, экипажи стучали глуше, и в душе вместе со свежим, легким, морозным воздухом носилось чувство, похожее на белый, молодой пушистый снег" — "Невольно к этим берегам меня влечет неведомая сила" — запел один из студентов приятным тенором.

Привязанность к Москве Чехов сохранял до конца жизни. Вынужденный из-за тяжелого недуга перебраться в Ялту, он называл Крым "теплой Сибирью" и душой продолжал рваться к Москве. Незадолго до смерти, в конце 1903 года, он писал жене: "Милая моя на чальница, дорогая жена, я буду питаться одной чечевичей, при входе Немировича и Вишневого буду почтительно вставать, только позволь мне приехать... Пора же вам, образованным людям, понять, что в Ялте я всегда чувствую себя несравненно хуже, чем в Москве".

Ялтинский писатель Елпатьевский в своих воспоминаниях о Чехове писал, что привязанность Чехова к Москве была зачастую "рассудку вопреки": однажды, когда Елпатьевский стал отговаривать Чехова от поездки в Москву в октябре, тот совершенно серьезно и без иронии в голосе доказывал ему, что именно московский воздух особенно хорош для его туберкулезных легких. "Я видел, — писал Елпатьевский — саратовских патриотов, полтавских, сибирских, но такого, влюбленного в свое место, как был влюблен Антон Павлович в Москву, я редко встречал".

При этой привязанности Чехова к Москве поражает, что в первые пять лет творчества Москва и особенно студенческая жизнь — почти отсутствуют в его произведениях. А между тем первые пять лет его литературной деятельности были годами его университетской учебы. За эти первые пять лет Чеховым написано несколько сот рассказов, в которых затрагиваются почти все стороны московской жизни и нет ни одной профессии, ни одного сословия, представители которых не фигурировали бы в галерее героев его миниатюр и фельетонов — чиновники, духовенство, военные, литераторы, актеры, адвокаты, дворники, извозчики, ремесленники, гимназисты, аптекари, — нет только студентов и профессоров. Студенты и профессора начинают появляться только со второй половины 80-х годов, когда Чехов уже стал врачом и приобрел известность как писатель.

Дерман объясняет эту осо-

бия и что они из "свободолюбивых радикалов" очень быстро превращались в благополучных чинуш и приобретателей. Эта реакция Чехова понятна, если учесть ту роль, которую во внутренней жизни молодого Чехова играла личная мораль и поведение человека.

Второе обстоятельство, удерживавшее на первых порах Чехова от изображения студенческой и университетской жизни, был характер той прессы, в которой начал свою литературную карьеру: он начал писать в "Стрекозе", "Осколках", в "Будильнике" — как ни была она мелка и непривлекательна, в какой-то мере она была оппозиционна, обличительна по отношению к властимущим и поэтому она сочувственно относилась к студентам. Попутно Дерман набрасывает портреты литераторов уличной прессы того времени — редактора "Московского Листка" Пастухова, Липскерова и поэта М. Пальмина, некогда бывший сотрудником знаменитой "Искры" Курочкина и автором популярного среди революционной молодежи 70-х годов "рэквиэма", — "Не плачьте над трупами павших борцов". Чехов искренно был привязан к Пальмину и на всю жизнь сохранял к нему теплое чувство, хотя в пору его знакомства с Пальминым это был уже опустившийся человек, по нужде сотрудничавший в

"Московском листке". Эта привязанность Чехова проливает свет на весь облик писателя.

Общественный темперамент в молодом Чехове созрел медленно, — "путем зерна". И как ни была мелка его литературная работа "для заработка" в бульварной прессе, она сыграла в личной и литературной жизни Чехова большую роль, помогла собрать огромный материал наблюдений.

Второе обстоятельство, способствовавшее развитию таланта Чехова, была его профессия врача. На эту сторону обратил внимание французский врач Дюкло и позднее — русский врач Е. Хижняков, в недавно вышедшей книге "Антон Павлович Чехов как врач". Чехов-врач видел людей "не в гостях", он приходил к ним в критические моменты горя, болезни, когда люди поневоле сбрасывают с себя превычную личину и обнажают свою "доподлинную сущность". В книге Дермана любопытно и упоминание о том, что молодой Чехов носился с мыслью написать работу по истории медицины в России и собрал большой материал, в который вошли летописи, фольклор, исторические сочинения. Над этим материалом он упорно работал в течение двух лет, но по неизвестным причинам писатель не смог ее довести до конца.

В Александрова.